

дѣдушки сосѣди, и старики, окончивъ играть въ карты, ушли въ столовую, за ломберный столъ случайно сѣли Левъ Николаевичъ и моя сестра.

Я сидѣла въ этой же комнатѣ подъ фортепіанами, куда спряталась, чтобы меня не заставляли пить. Я видѣла, какъ Левъ Николаевичъ писалъ что-то по столу мѣломъ. Лицо его было серьезно и выражало внутреннее волненіе.

Нагнувшись надъ столомъ, сестра внимательно и сосредоточенно слѣдила глазами за движениемъ мѣлка, какъ будто вся ея жизнь зависѣла отъ того, что она сейчасъ прочтетъ. Въ комнатѣ, кромѣ нась, сидѣло еще нѣсколько человѣкъ, но они, казалось, никого не замѣчали.

Изъ-за своей засады я смотрѣла на нихъ и видѣла, какъ лицо сестры преобразилось. Она быстро стала писать и тотчасъ же стирать щеточкой.

Вечеромъ, когда мы пришли наверхъ, я спросила ее:

— Что это вы писали за столомъ?

— Le comte писалъ мнѣ первоначальныя буквы словъ и по нимъ я должна была читать, что онъ пишетъ,—отвѣтала она.

— И ты могла прочесть?—спросила я.

— Могла,—отвѣтила она съ счастливой улыбкой.

Написанныя на столѣ буквы были слѣдующія: «В. В. с. с. л. в. н. м. и н. в. с. Л., р. е. с. Т.». Это значило: «Въ вашемъ семействѣ су-